

Отраденское районное общество
историков-архивистов
во имя святого преподобного Нестора Летописца

Отраденские
историко-краеведческие
ЧТЕНИЯ

Выпуск IX

Материалы Межрегиональной научной конференции,
посвященной 85-летию русского писателя Гария Немченко

Редактор-составитель С.Г. Немченко

Армавир – Отрадная
2021

УДК 947.1/9 (470.62)
ББК 63.3 (2 Рос-4Кра)
О 80

Научное издание

Редколлегия:

Матвеев О.В. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор»

Петров В.Н. – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета

Немченко С.Г. – краевед, председатель Отрадненского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца (*редактор-составитель*)

Плотникова В.А. – начальник архивного отдела администрации муниципального образования Отрадненский район

Рецензенты:

Ракачёв В.Н. – доктор исторических наук, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета

Малахов С.Н. – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета

Отрадненские историко-краеведческие чтения. Выпуск IX: Материалы Межрегиональной научной конференции [Текст] / Редактор-составитель С.Г. Немченко. – Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2021. – 382 с.: ил.

Очередной выпуск «Отрадненских историко-краеведческих чтений» (вып. IX) приурочен к 85-летию со дня рождения видного русского писателя Гария Леонтьевича Немченко, уроженца станицы Отрадной. Сборник включает воспоминания и исследования, посвященные творчеству юбиляра, а также эпистолярные материалы из архива писателя. В томе представлены статьи по археологии Кубани и Приурупья, материалы о православной жизни Северо-Западного Кавказа, исследования по истории и культуре кубанского казачества XVIII–XX вв., рецензии и обзоры краеведческой литературы. Издание предназначено для преподавателей и учащихся, сотрудников учреждений культуры, исследователей и краеведов, подвижников казачьего движения и всех, кому небезразлично историческое и духовное наследие Приурупья, Кубани и Северного Кавказа.

На первой сторонке обложки: Русский писатель Гарий Немченко.

На концевой сторонке обложки: В родной Отрадной. У отчего дома с мамой Антониной Мироновой (фото А.Н. Жигайлова).

Издание осуществлено при финансовой поддержке администрации Отрадненского района и станицы Отрадной, Отрадненского районного казачьего общества, ООО "ПРИМА-МЕБЕЛЬ" станицы Спокойной и личных средств казака станицы Отрадной Немченко С.Г.

ISBN 978-5-91153-145-4

© Авторы статей, 2021
© Оформление. Издатель Шурыгин В.Е., 2021

Таким образом, мы можем отметить весьма быстрые темпы отдела Юстиции по закрытию Епархиального управления в Краснодаре. Хотя бескомпромиссными их назвать нельзя, так как часть документов канцелярии епископа Иоанна была возвращена, все же эта акция показала настрой советской власти в отношении Русской Православной Церкви уже на первых этапах становления нового государства.

Мы можем отметить, что Екатеринодарская епархия не шла против власти, а лишь пыталась уточнить свои права и обязанности согласно «Декрету отделения церкви от государства и школы от церкви».

Закрытие Екатеринодарского епархиального управления мы можем назвать первой пробной попыткой советской власти на Кубани претворить в жизнь «Декрет» от 23 января 1918 г. И попытка эта оказалась успешной.

Примечания:

1. Гражданская война в СССР. М.: Воениздат, 1986. Т. 2. С. 208.
2. *Кияшко Н.В.* ВЧК и проблема поиска модели религиозной политики Советского государства в 1921–1922 гг. // Церковь. Богословие. История. Екатеринбург. 2020. № 1. С. 121.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р.-102. Оп. 1. Д. 133. Л. 1.
4. ГАКК. Ф. Р.-102. Оп. 1. Д. 133. Л. 4–4об.
5. Там же. Л. 2–3.
6. ГАКК. Ф. Р.-102. Оп. 1. Д. 245. Л. 1.
7. Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/> (дата обращения: 15.04.2021).
8. Постановление Народного Комиссариата Юстиции о прекращении деятельности б. Консисторий – ныне переименованных в Епархиальные Советы, Генеральных Консисторий и т.п., действующих вопреки декрету «Об отделении церкви от государства». URL: <https://istmat.info/node/41698> (дата обращения: 15.04.2021).
9. ГАКК. Ф. Р.-102. Оп. 1. Д. 245. Л. 1.
10. Там же. Л. 2.
11. Там же. Л. 2об.
12. Там же. Л. 8.
13. Там же. Л. 35.
14. Там же. Л. 37.

Н.В. Кияшко

Ейское викариатство Кубанской епархии в 1920–1929 гг.

Развитие отечественной историографии, посвященной изучению истории Русской Церкви в первые послереволюционные десятилетия, приобретает особую интенсивность, причина которой напрямую свя-

зана с увеличением интереса исследователей к микроисторическим сюжетам церковной жизни на местах. Введение в научный оборот множества неизвестных ранее источников федеральных и региональных архивов и публикация нарративов открывают широкие просторы для исследовательской работы на региональном уровне.

История епархиальных структур на Юге России была тесно переплетена с традициями и нравами казачьего населения и спецификой его общественно-политического устройства, обусловленного особым статусом в социальной структуре империи. После освоения земли кубанских казаков входили первоначально в состав Астраханской, а затем Донской епархий. В 1842 г. была создана Кавказская епархия с кафедральным городом Ставрополем, которая помимо Ставропольской губернии включала территории Кубанского и Терского казачьих войск. Социальная неоднородность населения и обширность территории епархии существенно осложняли систему церковно-административного управления.

Некоторые аспекты данной проблематики рассматривались в более ранних публикациях автора [1]. К анализу развития церковной жизни Ейского викариатства в условиях социально-политических трансформаций XX в. обращалась Е.А. Агеева [2]. Однако специального комплексного рассмотрения в отечественной историографии тема развития церковной деятельности на территории Ейского отдела Кубано-Черноморской области не получила. В настоящем исследовании предпринята попытка реконструкции церковной жизни Ейского викариатства в 1920-е гг. на основе широкого круга неопубликованных источников.

Многолетние попытки получения независимости Кубани от кафедры Ставропольского епископа привели к тому, что 25 декабря 1907 г. указом Святейшего Синода «на местные средства» было образовано Ейское викариатство Ставропольской и Екатеринодарской епархии. Викариатство располагалось в границах Екатеринодарского духовно-училищного округа и включало города Екатеринодар, Майкоп, Темрюк и Ейск. Местом пребывания епископа стал г. Екатеринодар с возложением на него обязанностей настоятеля Екатерино-Лебяжской Николаевской мужской пустыни. По указу Синода Ейским епископом

решено быть ректору Астраханской духовной семинарии архимандриту Иоанну (Левецкому). 3 февраля 1908 г. в г. Санкт-Петербурге состоялась хиротония архимандрита Иоанна во епископа [3]. Создание Ейского викариатства хоть и привело к назначению на Кубань местного епископа, но в то же время сохранило прежнюю систему церковного управления и не оправдало надежды кубанцев на учреждение самостоятельной епархии.

В 1916 г. епископ Ейский Иоанн по указу Святейшего Синода получил особые полномочия с присвоением титула «Кубанский и Екатеринодарский», а территория викариатства расширена в границах Кубанской области [4]. Ейское викариатство также было переименовано в Кубанское, однако в документах чаще использовался термин «Кубанская епископия» [5]. Во время Гражданской войны в 1919 г. на Юго-Восточном Русском Церковном Соборе Кубанское викариатство было выделено из состава Ставропольской епархии и преобразовано в самостоятельную епархию в границах Кубанской области. Указом Временного высшего церковного управления на Юго-Востоке России, созданного Собором от 18 июня 1919 г., Кубанская епархия была официально учреждена, что и следует считать началом ее существования [6].

Восстановление сообщения епархий юга России со Святейшим Патриархом Тихоном и Священным Синодом в 1920 г. совпало с тяжелейшими событиями установления советской власти, которые сопровождались буйством карательных кампаний. С февраля 1920 г. Кубанской епархией управлял епископ Сергей (Лавров), сменивший в этой должности митрополита Антония (Храповицкого), почетного председателя Временного высшего церковного управления. Позднее его назначение на Кубанскую кафедру подтвердил Святейший Патриарх [7]. Как следует из некоторых источников, епископу Сергию также было поручено управление Ставропольской епархией, оставшейся без архиерея после эмиграции епископа Александровского Михаила (Космодемьянского) [8].

В марте 1920 г. скончался настоятель Михаило-Архангельского Ейского собора и городской благочинный протоиерей И.А. Соловьев [9]. В апреле, по решению собрания духовенства и мирян г. Ейска, настоя-

тельское место предложили известному миссионеру и проповеднику протоиерею Н.Розанову, бывшему председателем Кубанского трудового союза христиан-трезвенников во имя Христа Спасителя в г. Екатеринодаре. Другими кандидатами, набравшими меньшее число голосов, были ейские священники Н.Федотов, В.Голоднов и И.Голубятников. Вскоре протоиерей Н.Розанов от назначения в Ейск отказался, сославшись на необходимость постоянного присутствия в областной столице для руководства братством.

Об отсутствии единства среди участников собрания кубанскому епископу доложил временный благочинный священник Н.Виноградов, который считал, что «полезнее для дела» назначить соборного настоятеля по решению епархиального начальства. Спешка при организации и проведении выборов, а также отсутствие единогласия среди депутатов вызвали у епископа Сергия сомнения в их справедливости, поэтому он принял решение провести их повторно, чтобы определить кандидата с абсолютным большинством голосов. На время до выборов с целью умиротворения обстановки и контроля за церковной жизнью временным настоятелем был назначен протоиерей Иоанн Говядовский, который смог выехать в Ейск только спустя несколько месяцев [10].

Новые выборы соборного настоятеля, прошедшие в августе 1920 г., не принесли успокоения в церковную жизнь Ейска. Наибольшее число голосов набрал протоиерей Н.Федотов, однако значительная часть прихожан не согласилась с результатами и просили епископа Сергия назначить Говядовского или отменить итоги выборов. «Еще никто не совершал литургию и вечерню и все требы так душевно и с чувством религиозным; хорошо слушать такого пастыря... <...> и так отчетливо передавал Евангельские слова и всегда с нами беседовал, а другие священники этого не делали...<...> О. Николай Федотов вовсе нам не нравился, мы его не полюбили, когда он был раньше у нас в Ейске священником», – писали архиерею о Говядовском прихожане [11]. Отсутствие данных о дальнейшем служении в Ейске протоиерея И.Говядовского и его назначение в Михаило-Архангельский храм г. Сочи указывают, что осенью 1920 г. благочинным и настоятелем собора стал протоиерей Федотов.

Первые данные о восстановлении Ейского викариатства в составе Кубанской епархии появляются в 1920 г. Границы викариатства этого периода наиболее совпадали с территорией современной Ейской епархии. В своих показаниях, данных в рамках возбужденного уголовного дела, епископ Сергей сообщал, что в 1920 г. указом Священного Синода викарным епископом Ейским назначен архимандрит Филипп (Гумилевский), настоятель Казанского мужского монастыря Кубанской области, хиротония которого должна была состояться в г. Новочеркасске. Впоследствии предполагалось, что ему также будет передано управление Ставропольской епархией [12].

Личность епископа Филиппа, а также обстоятельства его переезда на юг заслуживают особенного внимания. Он родился в 1877 г., окончил Казанскую духовную академию. По окончании обучения командирован на должность псаломщика в храм при русском посольстве во Флоренции, а затем в Риме. Вернувшись в Россию, преподавал в Тульской духовной семинарии, с 1907 г. – помощник инспектора в Московской семинарии, затем инспектор Тифлисской семинарии. Был ректором Вифанской и Московской семинарий. Через несколько лет вернулся награничную работу и назначен настоятелем посольского храма в Риме. С 1916 г. по август 1918 г. – ректор Кишиневской семинарии. В 1918 г. из-за отказа принять румынское подданство лишен должности и выслан из Бессарабии, приехал в Киев и митрополитом Антонием (Храповицким) командирован в южную (Ивановскую) армию. С февраля 1919 г. проживал в Антониевском монастыре Херсонской губернии, преподавал в детском приюте бывшего Петровского монастыря. С декабря 1919 г. – на Кубани, вероятно, прибыл по приглашению митрополита Антония, временно управляющего Кубанской епархией, был экономом архиерейского дома и настоятелем Казанского монастыря [13].

По свидетельству епископа Филиппа, 13 ноября 1920 г. он был назначен епископом Ейским викарием Кубанской епархии и стал вторым в истории епископом, носящим этот титул [14]. До настоящего времени указ Священного Синода о его назначении на Ейское викариатство не выявлен, в связи с чем точное место проживания епископа установить невозможно. Скупые сведения о

пребывании епископа Филиппа на викарной Ейской кафедре и о последующем аресте приводятся в письме Н.В. Нумерова к митрополиту Антонию (Храповицкому) и в каталоге М.Е. Губонина [15].

В это время советская власть нанесла первый удар по системе управления Кубанской епархии. 29 ноября 1920 г., с санкции Секретного отдела ВЧК, епископ Сергей был арестован по обвинению в контрреволюции и участии в деятельности церковных организаций деникинского правительства и 9 декабря под конвоем этапирован в Москву [16].

В связи с внезапным арестом и высылкой преосвященного Сергия во временное управление Кубанской епархией вступил епископ Ейский Филипп, прибывший незадолго до этого в Краснодар. О его деятельности во главе епархии известно немного, поскольку до ареста в кубанской столице он пробыл всего лишь более недели. Известно, что по требованию Кубано-Черноморского облисполкома он принял решение о закрытии Кубанского епархиального совета. Вместо упраздненного совета было создано Временное церковно-приходское управление во главе с протоиереем Г.Виноградовым [17]. Через восемь дней после возвращения в Краснодар, без предъявления каких-либо обвинений, епископ Филипп был арестован и заключен в домзак Кубанской ЧК. Вместе с ним арестовали членов епархиального совета и епархиальных учреждений: протоиереев Н.Т. Карташова и Н.Ф. Розанова, священников В.И. Адаменко, А.Н. Макова, И.Н. Николайченко, П.И. Четыркина, В.Садовского, И.П. Максимова, Б.Н. Колесникова, Ф.З. Дейниковского, псаломщика Бордычевского и др. [18].

23 декабря 1920 г. группа заключенного духовенства во главе с епископом Филиппом была срочно выслана в Ростов-на-Дону под надзор полномочного представительства ЧК. Несмотря на строгость тюремных правил, заключенные имели возможность вести переписку со своими близкими [19]. Более четырех месяцев священники провели в Ростовской тюрьме, а затем осуждены и высланы на принудительные работы в Воронежский и Нижегородский лагеря. Епископ Филипп вместе со священниками Н.Карташовым и Б.Колесниковым попал в Нижегородский лагерь.

Летом 1921 г. Преосвященный Филипп познакомился с назначенным в Нижний Новгород митрополитом Сергием (Страгородским) и при его содействии стал епископом Балахнинским, викарием Нижегородской епархии [20]. В 1923 г. он был вновь осужден к двум годам заключения, после которого вернулся в Москву. В октябре 1924 г. на основании агентурного дознания, поступившего от нижегородских чекистов, и в связи с арестом архиепископа Серафима (Мещерякова) он был задержан и больше месяца провел при комендатуре ОГПУ. После изучения агентурных сведений начальник VI отделения Секретного отдела ОГПУ Е.Тучков распорядился: «т. Соловьеву. Филиппа без разговора посадите на 2 недели в карцер для исправления и обзорнее опросите т. Казанского, не знает ли его он?». Нерасторопность и бюрократическая медлительность чекистов, не завершивших юридические процедуры после ареста епископа, вызывали недоумение Е.Тучкова. Так, получив служебную записку начальника отделения тюремного надзора ОГПУ с требованием объяснить причину, по которой находившийся более месяца в заключении епископ даже не был официально арестован, он написал в резолюции: «т. Соловьеву. Почему Вы до сих пор не оформите ареста?». Однако допросы владыки Филиппа не дали чекистам необходимых сведений для организации преследования, и 24 декабря его освободили из внутренней тюрьмы ОГПУ [21].

Спешные аресты и высылки архиереев и членов епархиального совета оказались частью плана краснодарских чекистов по устранению «пособников Деникина и Врангеля», якобы ожидавших возвращения добровольческой армии, и спровоцировали административный кризис управления епархией. С отъездом епископа Филиппа Кубанская епархия и Ейское викариатство остались без архиерея, и административная власть перешла к Временному церковно-приходскому управлению.

В марте 1921 г. после нескольких делегаций, отправленных якобы от всех приходов Кубани (в действительности они состояли из представителей некоторых церковных советов Краснодара), Святейший Патриарх Тихон восстановил на Кубанской кафедре епископа Иоанна (Левицкого), который с 1919 г. находился на покое и про-

живал в Романовском подворье Кавказского Николаевского мужского монастыря [22].

Согласно каталогу М.Е. Губонина, в 1921–1922 гг. епископом Ейским был Василий Ратмиров, но достоверность сведений о его хиротонии в современной историографии подвергается сомнению [23]. Стоит отметить, что из неопубликованных источников, датированных октябрем-ноябрем 1922 г., известно, что Ратмиров был священником Николаевского храма г. Ейска [24]. Следовательно, данные о его хиротонии не верны и являются частью созданной им легенды.

В конце 1921 г. епископом Ейским, викарием Кубано-Черноморской епархии, был назначен Евсевий (Рождественский), прибывший на юг для «поправления здоровья» и лечения от туберкулеза. Из Москвы он выехал в сопровождении священника Ф.Делаверида, ближайшего помощника кубанского архиепископа Иоанна. Согласно данным протопресвитера М.Польского, после прибытия в Краснодар епископ Евсевий совершал богослужения Рождественского сочельника в Екатерининском кафедральном соборе [25]. В январе 1922 г. епископ Евсевий прибыл из Краснодара в Ейск. Несмотря на позднее ночное время, долгожданного архиерея на вокзале торжественно встречало духовенство и многочисленные прихожане с крестами и хоругвями. О настроениях городских верующих этого времени участники тех событий вспоминали: «Его [архиерея. – *Н.К.*] в Ейске ждали в продолжении 15 лет, хотелось особенно посмотреть, как ходит епископ по орлецам и как держит трикирии и дикирии» [26]. Преосвященный проживал в самом Ейске, на квартире у благочестивой женщины Воротынцевой. Статус викарного епископа предполагал ограничение в полномочиях и зависимость от управляющего епархией, поэтому у епископа Евсевия отсутствовала собственная канцелярия. В административных делах ему помогал личный секретарь священник И.Голубятников.

Прибытие епископа Евсевия придало серьезный импульс развитию церковной жизни Ейска и викариатства. По инициативе архиерея произошли перемены в Михаило-Архангельском городском соборе: в алтаре было перестроено горнее место, богослужения стали более торжественными, увеличен соборный хор [27]. Также известно, что

весной 1922 г. владыка приезжал в г. Краснодар и в дни памяти святителя Николая и в праздник Вознесения Господня служил в Екатерининском и Александро-Невском соборах и в Георгиевском храме подворья Балаклавского монастыря [28].

Реконструкция событий церковной жизни Ейского викариата периода 1921–1922 гг. представляет особый интерес в связи со значительной трансформацией религиозной политики, происшедшей в это время. Однако непреодолимым препятствием на пути историков выступает отсутствие источников о деятельности епископа и событиях религиозной жизни в Ейске. Единственным свидетельством являются материалы проходившего в марте – апреле 1923 г. судебного процесса над епископом Евсевием, ейским духовенством и мирянами, опубликованные в виде заметок журналистов областной газетой «Красное Знамя».

Эти заметки, составленные Н.Сутыриным и С.Крапивиним, являются сложным, но исключительно ценным источником. Газетные публикации фиксировали события практически «по горячим следам» и характеризуются значительной тенденциозностью и репрессивным стилем мышления авторов. Авторская субъективность выражается в стремлении представить осужденных как политических преступников, которые сопротивлялись государственной кампании помощи голодающим и стремились к подрыву советского строя при поддержке церковных деятелей зарубежья (Карловацкого Собора и митрополита Антония). Епископ Евсевий описан как человек низкого нравственного поведения, который не только не соответствует уровню советского гражданина, но и является недостойным пастырем, нарушает церковные каноны. Терминология газетных сообщений характерна для лексикона и образа мышления работников советской пропаганды и изобилует идеологическими ярлыками «вождь Кубанской Тихоновщины», «черный ворон ейской епархии», «новый Корнилов в рясе», «архи-бабник и контрреволюционер», «духовный стратег», «Святейший Плюшкин», «контрреволюционная лиса» и др. Архиепископ Иоанн пролетарскими творцами пера был награжден звучным эпитетом «церковный рыцарь печального образа».

Известия о начале кампании по изъятию церковных ценностей духовенство и

верующие Ейска встретили спокойно. По инициативе епископа Евсевия в храмах викариата был объявлен сбор средств для помощи голодающим, сам он неоднократно выступал с проповедями, в которых призывал верующих «помочь своему брату – христианину, исполняя великий долг христианской любви» [29]. В Ейске работа комиссий по изъятию началась в середине апреля 1922 г. Во время изъятия ценностей из Михайловского кафедрального собора 5 мая толпа верующих, состоявшая преимущественно из женщин, потребовала не трогать церковную утварь, сорвав работу комиссии. К собравшимся вышел епископ Евсевий и сообщил, что комиссия забирает не все предметы утвари, но его слова не возымели действия. В результате изъятие было перенесено на другой день, а толпу разогнали с помощью военной силы [30]. Обращает на себя внимание то, что в первых и последующих сообщениях в периодической печати о событиях в Ейске имя епископа Евсевия как организатора восстания не фигурирует [31].

В современной историографии это событие получило название «Ейское восстание», организацию которого исследователи уверенно приписывают епископу Евсевию [32]. Однако узкий круг тенденциозных источников, на основе которых утверждается причастность к восстанию Ейского архиерея, не позволяет достоверно реконструировать картину событий и ставит перед историками ряд проблем, разрешение которых возможно только на основе тщательных эмпирических наблюдений над документами разного уровня, не зависящими друг от друга. Серьезный источниковедческий анализ и восстановление ейских событий мая 1922 г. должны стать предметом отдельного исследования.

Строгое отношение Ейского епископа к вопросам церковной дисциплины и канонического порядка среди городского духовенства, нравы которого оставляли желать лучшего, стали причиной ненависти к нему некоторых священнослужителей. С первых дней служения в Ейске в оппозицию к епископу встал настоятель Михаило-Архангельского собора и городской благочинный протоиерей Николай Федотов (впоследствии – обновленческий «епископ» Богородский, затем «митрополит»). Руководствуясь мелочными честолюбивыми интересами, он

стремился удержать в своих руках контроль над городским духовенством, рассчитывая в перспективе на получение епископского сана [33].

Под руководством Федотова состоялось собрание духовенства благочиния, на котором в отсутствие епископа Евсевия было принято решение о закрытии кафедры якобы из-за недостатка средств на ее содержание и направлено ходатайство архиепископу Кубанскому Иоанну. Узнав об интригах Федотова, епископ Евсевий решил служить без жалования и ради умиротворения церковной жизни просил архиепископа Кубанского перевести Федотова в другую часть епархии. Новость о предстоящем закрытии кафедры довольно быстро распространилась среди верующих городских храмов, обеспокоенных судьбой своего епископа. Вскоре в Краснодар отправилась делегация мирян с целью добиться сохранения викариатства.

Несмотря на несогласие верующих и не без влияния протоиерея Федотова 21 июня 1922 г. Высшее церковное управление закрыло ейскую кафедру «по неимению средств на содержание» ее, а епископу Евсевию было приказано отправиться на покой в Макарьевскую пустынь Нижегородской губернии [34]. Одновременно с этим ВЦУ открыло викариатство в г. Новороссийске, на которое с титулом «Епископ Новороссийский» был назначен протоиерей Федотов с пострижением в рясофор. Получив документ о закрытии Ейской кафедры, епископ Евсевий объявил, что в нем нарушаются церковные каноны, и отказался подчиниться [35]. В связи с тем, что высшей церковной властью в лице Святейшего Патриарха решение о закрытии Ейского викариатства принято не было, канонически оно продолжало существовать. Члены приходских советов Ейска негативно оценили закрытие кафедры: «Народ ждал епископа долго, и его не спросили, может ли он его содержать» [36].

Когда в конце мая под патронатом ГПУ произошло институциональное оформление обновленческого духовенства и создание самочинного «Высшего церковного управления», архиепископ Кубанский Иоанн и епархиальное управление признали его канонические права на высшую церковную власть и поддержали раскол [37]. Епископ Евсевий, несмотря на статус викарного епи-

скопа, отказался подчиниться решению епархиального архиерея и сохранил верность Святейшему Патриарху Тихону. В сводке № 2 «О расколе духовенства» с 25 июня по 10 июля 1922 г., составленной в недрах Лубянки VI отделением Секретного отдела ГПУ, сообщалось, что в Кубано-Черноморской области епископ Евсевий «ставит большой тормоз» в развитии раскола, поэтому «прогрессивное» собрание кубанской группы «Живая Церковь» запретило ему служить в ейских храмах, приказало сдать делопроизводственную документацию викариатства и немедленно выехать в Кавказский Николаевский мужской монастырь [38].

В связи с созданием обновленческого центра в Москве изменился состав Кубанского епархиального управления – в него вошли сторонники церковных реформ и члены местного комитета «Живой Церкви». Не удивительно, что в состав управления также вошел ейский благочинный протоиерей Федотов, вскоре ставший активным деятелем раскола и членом высшего обновленческого руководства. Согласно данным протоиерея В.Лавринова, 24 июля 1922 г. в Краснодаре он был «рукоположен» в сан «епископа» Новороссийского, викария Кубано-Черноморской епархии, с возложением обязанностей по управлению ейскими приходами [39]. Однако источники, подтверждающие «хиротонию» Федотова, не известны, в связи с чем невозможен их критический анализ.

Не подчинившись решению кубанских раскольников, епископ Евсевий продолжил служить в Михаило-Архангельском соборе Ейска и поминал за богослужением имя Святейшего Патриарха Тихона. Впоследствии эти действия стали причиной его политического преследования, которое завершилось знаменитым судебным процессом и ссылкой.

Активное противостояние ейского епископа и обновленческого епархиального управления угрожало развитию раскола в регионе и способствовало формированию локальных оппозиционных центров Патриаршей Церкви в Краснодаре, Армавире и Майкопе. Силой своего авторитета епископ Евсевий удерживал многие кубанские приходы от подчинения Высшему церковному управлению и поддержки раскола.

Особым актом от 9 октября 1922 г. епископ Евсевий объявил Кубанского архиепископа Иоанна впадшим в раскол и прекратил поминать его имя за богослужением, приняв временное управление Кубано-Черноморской епархией [40]. На основании сведений о положении церковного управления, полученных от Патриаршего местоблюстителя митрополита Агафангела, в документе сообщалось, что власть в Русской Церкви на время пребывания в тюрьме Святейшего Патриарха Тихона перешла к митрополиту Агафангелу, а не к обновленческому Высшему церковному управлению. Документ был оглашен в Ейском Михаило-Архангельском соборе на собрании городских приходских советов и получил широкое распространение среди приходов епархии. Также собрание постановило удалить из храмов священников-«живоцерковников», пригласив на их место «тихоновцев». Кроме этого документа благочестивые верующие распространяли по приходам газетные сообщения о состоянии Святейшего Патриарха. Согласно сообщению областного прокурора, в Краснодаре акт епископа Евсевия был получен протоиереем А.Маковым и поддержан приходом Ильинского храма, а всего по епархии разошлось более 60 экземпляров документа [41].

Для организации управления епархией Преосвященный Евсевий создал епископский совет во главе со священником Сергеем Пособило, в который вошли священники Трофим Сосько и Илларион Голубятников. Среди городского духовенства Преосвященного Евсевия поддерживали иеромонах Казанского храма Трифон (Коростылев), священник Василий Новак и др.

Решение приходских советов об удалении из храмов священников-обновленцев привело к беспорядкам, которые провоцировали последние с целью сохранить за собой места. Так, серьезные волнения произошли в Николаевском храме, где настоятелем был сторонник обновленчества священник Василий Ратмиров (впоследствии видный деятель раскола, после покаяния – архиепископ Минский) [42]. При содействии гражданской власти обновленцы захватили Ейский кафедральный собор, вынудив епископа Евсевия совершать богослужения вначале в Покровском храме, а затем на дому.

На смену «епископу» Федотову, переехавшему в Москву для работы в высших

обновленческих органах, для защиты раскола городским благочинным был назначен изгнанный из Николаевского храма священник Ратмиров, ставший настоятелем Михаило-Архангельского собора [43]. На судебном заседании по делу епископа Евсевия один из свидетелей сообщал, как после поездки в г. Краснодар священник Ратмиров, бывший прежде сторонником епископа Евсевия, получил от обновленцев должность городского благочинного и резко выступил в поддержку «Живой Церкви» [44]. Мотивы трансформации его церковных взглядов, безусловно, слишком очевидны.

В конце января 1923 г. в письме епархиальному управлению Ратмиров докладывал, что священник В.Новак и иеромонах Трифон (Коростылев) отказались подчиняться распоряжению управления от 12 января 1923 г. о запрете их в священнослужении и остались на своих приходах. «Необходимы самые решительные меры, чтобы смирить захватчиков и самозванцев, и только тогда возможно уничтожить Евсевиевщину, так крепко и прочно свившую гнездо в Ейске для всяких проходимцев», – писал Ратмиров [45]. Позднее он активно участвовал в знаменитом судебном процессе в качестве свидетеля и «разоблачителя» Ейского епископа [46].

В поддержку своих пастырей выступили верующие канонических тихоновских приходов. Так, прихожане Казанского храма просили Ейский исполком: «...предложить священнику В.Ратмирову оставить в покое нашу общину и священника, мы, община, считаем себя подчиненными в законном порядке только Советской власти, а не духовенству» [47].

Окончательно завершить противостояние Ейского епископа с обновленческим епархиальным управлением могло только насильственное смещение его с кафедры и выдворение за пределы Кубани, что вскоре и произошло. 25 декабря 1922 г. епископ Евсевий, а затем 19 человек священников и мирян были арестованы по обвинению в контрреволюционной деятельности и противодействию изъятию церковных ценностей. Очевидно, что как само обвинение, так и последовавший затем публичный судебный процесс произошли при непосредственном участии епархиального управления, целью которого было устранение опасных идеологических противников. Энергичный характер епископа

Евсевия и его активное противостояние обновленцам на фоне апатичного отношения к происходящему архиепископа Иоанна создавали угрозу развития раскола в епархии.

В Краснодаре заключенные несколько месяцев находились в губотделе ГПУ, и лишь в начале апреля их перевели в городскую тюрьму на окраине Краснодара. Многочисленные верующие тихоновских приходов не оставляли архиерея и регулярно передавали в тюрьму необходимые продукты [48].

В результате 23 апреля 1923 г., после 24-дневных слушаний, по решению Кубано-Черноморского областного суда епископ Евсевий был приговорен к семи годам заключения со строгой изоляцией, священник Трофим Митрофанович Сосько – к пяти годам, миряне Александр Николаевич Гангесов и Арсений Семенович Зайцев – к трем годам тюрьмы, а Петр Иванович Валяницкий, Павел Климович Назаренко и Сергей Степанович Лиманский – к одному году заключения [49].

После вынесения приговора осужденные более месяца находились в Краснодарской тюрьме ГПУ (доме предварительного заключения), где епископа Евсевия регулярно навещали священники и миряне. Пребывание архиерея на Кубани и возможность общения с верующими вызывали серьезное беспокойство как у обновленческого епархиального управления, так и Кубано-Черноморского отдела ГПУ. В начале мая руководитель кубанских чекистов Г.Я. Долматов предложил областному прокурору прекратить «паломничества» верующих к осужденному епископу, которые под видом посещений могут получать указания по развитию прикрытого церковными канонами «Евсеево-Тихоновского течения». Решением проблемы должна была стать ссылка епископа и заключенных с ним лиц в отдаленные от Кубани регионы [50]. Интересно, что областной прокурор не торопился с подготовкой соответствующего решения и только 22 июня 1923 г. направил прокурору СССР телеграмму с просьбой перевести епископа Евсевия в другую тюрьму, поскольку «пребывание его на Кубани по политическим условиям неудобно» [51]. Как следует из некоторых источников, в июне 1923 г. архиерея выслали в Иркутскую губернию [52].

Арест и ссылка епископа Евсевия существенно ослабили позиции духовенства и верующих патриарших приходов. Власти удалось устранить лидеров сопротивления расколу и обеспечить административную поддержку местным обновленческим священникам. Характерная оценка ейского духовенства дается в Информационной сводке VI отделения СО ОГПУ на 1 января 1924 г.: «В г. Ейске из докладов с мест видно, что духовенство в массах потеряло всякий авторитет. Все духовенство сделалось предметом ругательств и поношений своих прихожан и, что между духовенством и верующими образовалась какая-то стена, в большинстве своем прихожане прекратили посещения храма и совершают требы на домах» [53]. В июле 1924 г. территория Ейского, Староминского и Кушевского районов (бывший Ейский отдел) вошла в состав Донского округа Юго-Восточного края (с центром в г. Ростове-на-Дону), позже переименованного в Северо-Кавказский [54]. Утратив административную связь с Краснодаром, территория Ейского викариата вошла в состав Ростовской епархии с центром в г. Ростове-на-Дону.

О состоянии церковной жизни патриарших приходов Ейского викариата после отъезда епископа Евсевия известно немного. В декабре 1923 г. на Кубань прибыл священник Василий Судницын, ранее известный епархиальный миссионер, который по заданию епископа Ставропольского Иннокентия (Летяева) посещал лидеров тихоновских общин в Ростове-на-Дону, Армавире, Майкопе и Ставрополе [55]. Вполне вероятно, что он мог заезжать и в Ейск. Согласно некоторым сведениям, в 1925–1926 гг. епископом Ейским был священномученик Кирилл (Соколов) [56]. Однако из анкет, хранящихся в материалах уголовных дел, следует, что в этот период он был епископом Феодосийским, викарием Таврической епархии [57].

Смерть Святейшего Патриарха Тихона в начале 1925 г. и недостаток информации о преемниках высшей церковной власти оказали влияние на подчинение ейских приходов обновленческому «Священному Синоду». К началу 1925 г. все восемь ейских храмов принадлежали обновленческим приходам, а к Патриаршей Церкви относились только общины Новопокровская и Рождество-Богородицкая, имевшая свой молитвенный дом

(на углу ул. Николаевской и Верхней). Изгнанные обновленцами из храмов, тихоновцы сохраняли свои общины и посещали богослужения на домах. Верующие неоднократно обращались в органы власти с требованием равномерно распределить городские храмы между ними и обновленцами, причем приход Рождественской общины был самым большим в городе и насчитывал 3 тысячи человек.

Настойчивость верующих-тихоновцев привела к тому, что в октябре 1925 г. Рождественской общине был передан Вознесенский домовый храм при городской богадельне под контролем сотрудника Ейского отделения ОГПУ П.Н. Воронцова. Получив храм, прихожане обратились в административное отделение Ейского райисполкома с ходатайством разрешить въезд в Ейский и Староминский районы епископу Краснодарскому и Кубанскому Иннокентию (Летяеву). 13 октября райисполком известил уполномоченных общины о том, что Донским исполкомом в разрешении на въезд епископа отказано [58].

Кроме Рождественской общины среди приходов Ейского викариатства к Патриаршей Церкви принадлежали приход Покровского храма станицы Старощербиновской, община Николаевского храма станицы Новощербиновской во главе со священником Феодором Макушенко, приход Казанского храма станицы Ясенской, Троицкая община станицы Должанской со священником Евгением Брянцевым, община Николаевского молитвенного дома хутора Кухаривского со священником Евстафием Бодылевским [59].

В октябре 1925 г., после неканонического III Поместного собора, на Ростовском епархиальном съезде духовенства и мирян было принято решение о присоединении к Патриаршей Церкви [60]. Соответствующий протокол был получен духовенством собора и городских приходов Ейска. 24 октября 1925 г. в Михаило-Архангельском соборе состоялось собрание духовенства и верующих по вопросу перехода из раскола в подчинение Патриаршему местоблюстителю митрополиту Петру (Полянскому). В протоколе собрания отмечалось, что приход давно стремился выйти из подчинения раскольникам, но духовенство уклонялось от подобного решения. В связи с тем, что «Собор [Поместный] и Свящ. Синод стали на

путь нарушения церковных канонов», духовенство собора во главе с настоятелем протоиереем В.Т. Ивановым вслед за епархиальным собранием объявило о присоединении к «тихоновскому течению» [61].

Спустя несколько дней после собрания уполномоченный ОГПУ по Ейскому району направил в Ейский райисполком копию протокола приходского совета «для сведения и принятия мер» [62]. Как следует из документов, вскоре в Ейск прибыл обновленческий «митрополит» Ростовский Константин Спасский, который совместно с благочинным протоиереем Николаем Кондратовым вынудил духовенство подчиниться неканоническому «Священному Синоду» [63]. Личное участие ростовского «митрополита» подчеркивает не только важность сохранения за обновленцами приходов, но и масштаб сокращения раскола, для поддержки которого требовался авторитет управляющего епархией. По данным Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б), на 1 января 1926 г. на территории Донского округа, в состав которого входил Ейский район, находилось 204 храма и 584 священнослужителя тихоновского течения, а обновленческих всего 54 храма и 117 священнослужителей [64].

Несмотря на серьезное административное давление власти и обновленческого епархиального управления, отдельные приходы Ейского района предпринимали попытки перейти под управление канонических архиереев ближайших епархий. Это оказалось возможно благодаря зыбкому характеру церковно-административных границ между южными епархиями, что справедливо отмечается в исследовании С.Н. Малахова [65]. Так, в апреле 1927 г. приход Николаевского храма станицы Должанской во главе со священником Дмитрием Хоцинским сообщил административному отделу райисполкома, что присоединяется к общинам, подчиняющимся епископу Краснодарскому Иннокентию, и просил перерегистрировать приход. Согласно регистрационным сведениям, община имела статус «староцерковническая» [66].

Вынужденный отъезд епископа Иннокентия из Ставрополя, присоединение к григорианскому расколу митрополита Донского и Новочеркасского Митрофана (Симашкевича) и его вступление в состав Временного высшего церковного совета

деструктивно повлияли на развитие церковной жизни Ейского викариатства, количество канонических приходов которого сократилось под давлением епархиального управления и гражданской власти. Отсутствие источников не позволяет установить точное число приходов, признававших митрополита Митрофана, и выяснить каноническую принадлежность ряда тихоновских общин, смена духовенства в которых привела к перерегистрации приходов.

Отказ руководства страны от тактики «религиозного НЭПа» и наступившие в 1929 г. изменения религиозной политики привели к новому наступлению государства на Церковь. Бедственное положение канонических приходов Ейского викариатства, лишенных архиастырского окормления, усугублялось карательными кампаниями в отношении приходского духовенства, а верующие оказались вынуждены в отсутствие пастырей обращаться к обновленческим клирикам.

Примечания:

1. *Кияшко Н.В.* Антицерковная политика власти и положение обновленческих и канонических общин на Кубани в 1920-е годы // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Междунар. науч. конф. (Иваново, 5–6 апреля 2017 г.): в 2 ч. Ч. 2. Иваново, 2017. С. 277–282; *Кияшко Н.В.* Обновленческий раскол как компонент советской антицерковной политики и его эволюция на Кубани в 1920-е гг. // Вестник Ставропольской духовной семинарии. Ставрополь, 2017. Вып. 1 (4). С. 26–42.
2. *Агеева Е.А.* Ейское викариатство // Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008. С. 97–99.
3. Определение Святейшего Правительствующего Синода // Ставропольские епархиальные ведомости (далее – СЕВ). 1908. № 1. С. 1–2.
4. Православная Церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.): Сборник документов (к 2000-летию христианства). Краснодар, 2001. С. 140, 141.
5. См. Воззвание к пастырям и священноцерковнослужителям Кубанской Епископии; Воззвание к пастве Кубанско-Екатеринодарской Епископии // СЕВ. 1917. № 6. С. 161, 167.
6. *Бирюкова Ю.А., Кияшко Н.В.* Административно-территориальная реформа южных епархий России в период Гражданской войны // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 85. С. 81.
7. *Кияшко Н.В.* «Арест его был вызван тактическими соображениями»: Секретный отдел ВЧК и политический контроль над православным духовенством (1920–1921 гг.) // Отраденские историко-краеведческие чтения. Выпуск VIII: Материалы Межрег. научн. конференции / ред.-сост. С.Г. Немченко. Армавир, 2020. С. 70.
8. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ЦА ФСБ России). Д. Р-46841. Л. 38, 41.
9. Архив МКУ МО «Ейский район». Ф. 1. Оп. 1. Д. 154. Л. 146об., 147.
10. Архив Екатеринодарской епархии. Д. Г 57/1. Л. 14, 20, 23, 23об.
11. *Кияшко Н.В., Небавский А.А.* Некоторые страницы из жизни кубанского духовенства в начальный период Советской власти // «Настанет год, России черный год...»: революция и Гражданская война в судьбах дворянства и народов России: Материалы XIII Международных дворянских чтений. Краснодар, 2017. С. 113.

12. ЦА ФСБ России. Д. Р-46841. Л. 13об.
13. ЦА ФСБ России. Д. Р-25092. Л. 16; Д. Р-38766. Л. 8об.
14. Там же. Л. 16об.; Д. Р-38766. Л. 8об.
15. История иерархии Русской Православной Церкви: комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года. М., 2006. С. 162, 875.
16. *Кияшко Н.В.* «Арест его был вызван тактическими соображениями»: Секретный отдел ВЧК и политический контроль над православным духовенством (1920–1921 гг.) // Отраденские историко-краеведческие чтения. Выпуск VIII: Материалы Межрег. научн. конференции / ред.-сост. С.Г. Немченко. Армавир, 2020. С. 71.
17. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 133. Л. 4, 4об.
18. ЦА ФСБ России. Д. Р-46841. Л. 67.
19. Там же. Л. 67, 68.
20. ЦА ФСБ России. Д. Р-25092. Л. 16, 17.
21. Там же. Л. 1–3, 8, 17–20.
22. ЦА ФСБ России. Д. Р-46841. Л. 62об., 66, 66об.
23. История иерархии Русской Православной Церкви: комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года. М., 2006. С. 162; См. также: Василий (Ратмиров Василий Михайлович) // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 93; *Агеева Е.А.* Ейское викариатство // Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008. С. 99; *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 156.
24. Архив Екатеринодарской епархии.
25. *Польский М.А., протопресв.* Новые мученики Российские. Т. I. Jordanville, 1949. С. 110.
26. *Сутырин Н.* Кубанская Тихоновщина (впечатление судебного процесса) // Красное Знамя. 1923. 3 апреля. № 73 (880); Там же. 22 апреля. № 87 (894).
27. *Сутырин Н.* Кубанская Тихоновщина (впечатление судебного процесса). Седьмой день // Красное Знамя. 1923. 4 апреля. № 74 (881).
28. *Польский М.А., протопресв.* Новые мученики Российские. Т. I. Jordanville, 1949. С. 110.
29. *Сутырин Н.* Кубанская Тихоновщина (впечатление судебного процесса). Второй день // Красное Знамя. 1923. 30 марта. № 71 (878); *Крапивин С.* Кубанская Тихоновщина (заседание 12 апреля) // Красное Знамя. 1923. 14 апреля. № 80 (887); *Крапивин С.* Кубанская Тихоновщина (заседание 14 апреля) // Красное Знамя. 1923. 17 апреля. № 82 (889).
30. ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 497. Л. 163; *Сутырин Н.* Кубанская Тихоновщина. Речи представителей обвинения // Красное Знамя. 1923. 21 апреля. № 86 (893).
31. Черносотенные интриги // Красное Знамя. 1922. 13 мая. № 106 (617). С. 1; Изъятие ценностей в Ейском отделе // Красное знамя. 1922. 31 мая. № 120 (621). С. 2.
32. *Бабиц А.В.* К вопросу об изъятии церковных ценностей на Кубани в 1922 году // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 6. Краснодар, 2012. С. 328; *Рожков А.Ю.* Народное сопротивление антирелигиозной политике советской власти на юго-востоке России в 1918–1929 гг. // Голос минувшего. 1997. № 2. С. 8; *Рожков А.Ю.* Обновленцы и мученики // Дело мира и любви. Очерки истории и культуры православия на Кубани / Научн. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2009. С. 132; *Сергеев К.Л.* Екатеринодарская и Кубанская епархия // Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008. С. 273; *Рябиков А.Н., Письменная Т.Г., Штымбалюк А.В., Денисова Е.В.* Конфессиональная политика советской власти в отношении обновленческих объединений Северного Кавказа в 1917–1946 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 8. С. 65; *Федоров С.С., Гнатюк Т.Н.* Святой из Питима. Евсейий (Рождественский), архиепископ Шадринский. Тамбов, 2019. С. 108.
33. *Сутырин Н.* Кубанская Тихоновщина (впечатление судебного процесса). Второй день // Красное Знамя. 1923. 30 марта. № 71 (878).
34. Постановления Высшего Церковного Управления // Живая Церковь. 1922. № 4–5. С. 23; *Сутырин Н.* Кубанская Тихоновщина (впечатления процесса) // Красное Знамя. 1923. 29 марта. № 69 (876).

35. *Сутырин Н.* Кубанская Тихоновщина (впечатление судебного процесса). Второй день // Красное Знамя. 1923. 30 марта. № 71 (878).

36. Там же.

37. *Кияшко Н.В.* Из истории возникновения и развития обновленческого раскола на Кубани в первой половине XX века // Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Славянск-на-Кубани / под. ред.: Т.Г. Письменной, А.Н. Рябикова, Е.В. Манузина. Славянск-на-Кубани, 2015. С. 50–57.

38. ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Л. 287.

39. *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 431.

40. *Кияшко Н.В.* Антицерковная политика власти и положение обновленческих и канонических общин на Кубани в 1920-е годы // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Междунар. науч. конф. (Иваново, 5–6 апреля 2017 г.): в 2 ч. Ч. 2. Иваново, 2017. С. 279.

41. *Сутырин Н.* Кубанская Тихоновщина (впечатление судебного процесса). Девятый день // Красное Знамя. 1923. 12 апреля. № 78 (885); *Крапивин С.* Кубанская Тихоновщина (заседание 12 апреля) // Красное Знамя. 1923. 13 апреля. № 79 (886); *Сутырин Н.* Кубанская Тихоновщина // Красное Знамя. 1923. 22 апреля. № 87 (894).

42. *Сутырин Н.* Кубанская Тихоновщина (впечатление судебного процесса). Девятый день // Красное Знамя. 1923. 12 апреля. № 78 (885).

43. Архив Екатеринодарской епархии.

44. *Крапивин С.* Кубанская Тихоновщина (Вечернее заседание 17 апреля) // Красное Знамя. 1923. 20 апреля. № 85 (892).

45. Архив Екатеринодарской епархии.

46. *Сутырин Н.* Кубанская Тихоновщина (впечатление судебного процесса). Девятый день // Красное Знамя. 1923. 12 апреля. № 78 (885); *Крапивин С.* Кубанская Тихоновщина (Вечернее заседание 17 апреля) // Красное Знамя. 1923. 20 апреля. № 85 (892).

47. ГАКК. Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.

48. *Польский М.А., протопресв.* Новые мученики Российские. Т. I. Jordanville, 1949. С. 110.

49. *Сутырин Н.* Приговор над Кубанской Тихоновщиной // Красное Знамя. 1923. 25 апреля. № 89 (896).

50. ГАКК. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

51. Там же. Л. 44.

52. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 80.

53. Архивы Кремля: В 2-х кн. Кн. 2. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М., 1998. С. 381.

54. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) // ГАКК / Сост. А.С. Азаренкова, И.Ю. Бондарь, И.С. Вертышева. Краснодар, 1986. С. 79.

55. ЦА ФСБ России. Д. Р-46391. Л. 46.

56. *Агеева Е.А.* Ейское викариатство // Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008. С. 99.

57. ЦА ФСБ России. Д. Р-26039. Л. 8, 8об.; Архив Управления ФСБ России по Республике Мордовия. Д. 8012-с. Л. 1, 2.

58. ГАКК. Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 33. Л. 88, 95, 115, 116, 121.

59. ГАКК. Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 29. Л. 39, 48, 52; Д. 36. Л. 33; Д. 37. Л. 95об., 103, 158.

60. *Табунщикова Л.В., Шадрина А.В.* Особенности обновленческого движения в Ростовской и Таганрогской епархии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 2. Ч. II. С. 195.

61. ГАКК. Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 30. Л. 39.

62. Там же. Л. 38.

63. Там же. Л. 48, 49.

64. Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы: Сб. документов и материалов / Л.В. Табунщикова, А.В. Шадрина. Ростов-н/Д., 2015. С. 78, 79.

65. *Малахов С.Н.* Новые данные к биографии епископа Ставропольского и Кавказского Иннокентия (Летяева) // История и обществознание: научный и учебно-методический ежегодник. Вып. XVI. Армавир, 2019. С. 70.

66. ГАКК. Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 31. Л. 22, 23.

А.Г. Гурин, иерей

Монашествующие и верующие Русской Православной Церкви, пострадавшие за веру в годы гонений на территории Карачаево-Черкесии в 1930-е гг. XX в.

В 1917 году в результате политического переворота в России к власти пришли большевики. В стране сменилась идеология, прокатилась волна репрессий, направленных на уничтожение духовенства, монашествующих и верующих Русской Православной Церкви, а также представителей других религий. Главным борцом с религией после 1917 г. был В.И. Ленин. Именно его убеждения, выразившиеся как в личном отношении, так и в антирелигиозных статьях и сочинениях, таких как «О значении воинствующего материализма» и «Материализм и эмпириокритицизм», являлись препятствием к пересмотру советской властью антирелигиозной политики [1].

В 1917 г. В.И. Лениным был написан проект, который был озвучен на Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б). Проект содержал план переработки программы партии большевиков. В этом проекте содержались лозунги с требованием отделения Церкви от государства и школы от Церкви, а также требование организации полной светскости школы [2]. Что и было сделано последующими декретами.

В 1918 году в стране началась Гражданская война. В этот период времени без суда и следствия было казнено огромное количество священнослужителей и верующих Русской Православной Церкви.

В 1922 году в стране началась кампания по изъятию церковных ценностей, которую частично поддержала и Церковь по причине голода в стране. Однако изъятие церковных ценностей сопровождалось и изъятием служебных сосудов, без которых невозможно было совершение церковных таинств. И не только сосуды, но и всё, что было связано с культурой, традициями и обычаями Церкви, стало претерпевать изменения, постепенно вытесняться из сознания людей [3]. А сосуды и обряды стали лишь предлогом к окончательному разрыву с церковью и её бытием.

Особенную роль в политике по ликвидации патриаршей Церкви сыграл обновленческий раскол, который, по мнению